

ИЛЛЮЗИЯ ЦИФРОВОГО БЕССМЕРТИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

В статье предлагается философский взгляд на проблему «кибернетического бессмертия». Исходя из трактовки смерти как конститутивного элемента самой жизни, автор ставит и обсуждает следующие вопросы: может ли бесконечное существование быть названо «жизнью»? Не является ли «кибернетическое бессмертие» всего лишь *посмертным* бытием, которое как таковое лишено признаков жизни? Является ли такое бытие личным, суверенным и свободным к смерти? Наконец, отвечает ли проект «кибернетического бессмертия» метафизической мечте человека о личном бессмертии?

Ключевые слова: бессмертие, жизнь, смерть, посмертие, искусственный интеллект, личность, душа, сознание, тело.

Yu.A. Razinov, Samara University

THE ILLUSION OF DIGITAL IMMORTALITY: CURRENT ISSUES

The article presents a philosophical perspective on the problem of “cybernetic immortality”. Interpreting death as a constitutive element of life itself, the author raises and discusses the following questions: Can infinite existence truly be called “life”? Is “cybernetic immortality” merely a postmortem existence devoid of the essential features of life? Is such an existence personal, sovereign, and free to end? Finally, does the project of “cybernetic immortality” fulfill humanity’s metaphysical dream of personal immortality?

Keywords: immortality, life, death, afterlife, artificial intelligence, personhood, soul, consciousness, body.

*Люди не хотят жить вечно.
Люди просто не хотят умирать.*
Ст. Лем

Тема «кибернетического» или «цифрового» бессмертия, будучи гибридом мифологии и научной фантастики, всё чаще номинируется на статус «реальной

научной проблемы» [1]. Основание для такой оценки даёт «цифровая революция» и развитие ИИ, благодаря которым метафизическое чаяние *бессмертия души* приобретает перспективу пифагорейского *бессмертия числа*.

При этом из поля зрения ускользают два обстоятельства. Первое заключается в том, что тема бессмертия инспирирована *желанием* (тягой, влечением, страстью), а желание, бегущее впереди проблемы, как известно, плохой советчик в научных вопросах. Второе обстоятельство заключается в том, что сама идея «кибернетического бессмертия» зачастую принимается без должной философской рефлексии взаимообусловленности жизни и смерти, а сами эти понятия используются в расхожем смысле. Прежде всего оставляется в стороне онтология жизни и смерти, а вместе с ней традиция осмысления смерти в качестве *феномена жизни*. Поэтому если уж и представлять «кибернетическое бессмертие» как научную проблему, то для начала следует разобраться в исходных терминах. Во-первых, необходимо установить взаимосвязь понятий *жизнь, смерть, бессмертие*, а во-вторых, уточнить о каком бессмертии идет речь. Иными словами, следует поставить два фундаментальных вопроса: *смерть – что(?) смерть чего (?)*. В первом вопросе имеется в виду сущность смерти, во втором – её атрибуция. Тем самым предполагается, что мы не вправе говорить о бессмертии в абстрактном смысле, ибо важно уточнить о смерти/бессмертии *чего* идет речь – личности, души, сознания или тела. На этом пути необходимо преодолеть расхожее, *дореклексивное*, представление о смерти как о противоположности жизни, а именно оно лежит в основе понимания бессмертия как *нескончаемой* жизни. Но может ли бесконечное существование быть названо «жизнью»? Не слишком ли поспешно в этом вопросе мы переходим от категории «бытие» к категории «жизнь»? Бытие в парменидовском смысле бессмертно, но бессмертна ли жизнь?

Смерть в самом очевидном и бесспорном смысле есть *окончание жизни*. Но в качестве окончания она противоположна не жизни, а *рождению*, как началу жизни. Это первое. Второе: если жизнь – это конечная форма бытия (от рождения к смерти), то смерть – это граница, а всякая граница принадлежит тому, что она ограничивает. Из этого следует, что смерть – это необходимое условие самой жизни, её ограничитель и сущностный предикат. Взаимообусловленность жизни и смерти заключается в том, что всё живое смертно, а умирает только то, что живо. Смерть, таким образом, расположена не *по ту* сторону жизни, а на её стороне. Смерть играет «за жизнь», а не против. Она есть отрицание жизни, но это диалектическое отрицание. Иными словами, жизнь в себе самой содержит негативный момент – смерть. Такая негативность диалектически включена в позитивное устройство жизни. Без смерти не возможна ни биологическая, ни творческая эво-

люция. Как об этом говорит Ж. Валь, «смерть ведет себя негативно лишь по отношению к негативному; она упраздняет лишь то, что есть ничто [2, с. 116]. Поэтому смерть не упраздняет жизнь, а делает ее весомой, ибо только «вместе с чувством потери жизни мы осознаем её ценность и её глубинное существование, именно вместе с ним мы начинаем ею наслаждаться» [2, с. 117].

Но можно ли наслаждаться бесконечной жизнью, что равносильно тому, что бесконечно наслаждаться? Можно ли, остановив «прекрасное мгновенье», вечно в нем пребывать? Пребывать именно *живым*, а не *мертвым*? Всякое желание, как показал А. Кожев, стремится к удовлетворению, а следовательно, к своему уничтожению. Уничтожив себя в одном объекте, оно вновь воскресает в другом. Поэтому и желание бессмертия – это вовсе не желание *застять в монотонном горизонте вечности*, а сего лишь желание продлить жизнь, как у В. Высоцкого: «Хоть немного еще постою на краю». Но продлевать можно только то, что ограничено во времени. Человеку хочется продлевать наслаждение, но не бесконечно наслаждаться. Бесконечное наслаждение сродни вечной муке. Поэтому только живой может сказать: «Остановленное мгновенье, ты ужасно»!

Если смерть – это сущностная характеристика самой жизни, если она встроена структуру и архитектонику жизни, то из этого следует логический вывод о том, что идея бессмертия нарушает принцип жизни, принцип конечности бытия. По крайней мере, это ставит перед нами вопрос о том, является ли бессмертие «живым бессмертием»? Или мы имеем дело с *иллюзией вечной жизни*, когда смерть не отменяется, путем воскресения к новой жизни, а становится *вечной смертью*, а вовсе не *вечной жизнью*. Для решения этого вопроса понятий смерти и бессмертия недостаточно. Необходимо, как минимум, еще одно понятие – *посмертия*. В отношении бытия в посмертии возникает очередной вопрос: слишком ли поспешно посмертная форма бытия названа жизнью? Вспомним известные слова Пушкина: «Нет, весь я не умру, душа в посмертной лире / мой прах переживет и тленья убежит». При всей метафоричности художественного языка поэт не говорит о *личном бессмертии*, как и о христианском *бессмертии души*. Он говорит о «*посмертной лире*», которая всякий раз должна воскресать в живом поэтическом творчестве («доколь в подлунном мире / жив будет хоть один пиит»). Смерть здесь – не только условие жизни, но и воскрешения.

Мысль о сущностной связи между жизнью и смертью не нова и высказывалась в разные времена. Диоген Лаэртский приводит такой фрагмент из несохранившейся трагедии Еврипида «Полиид»: «Кто знает, эта жизнь не есть ли смерть? / И смерть не есть ли то, что жизнь, для смертных?» [3, с. 355]. «Без смерти нет и жизни» пишет Ж. Валь, отсылая к изречению романтической писа-

тельнице Б. фон Арним «смерть – это источник жизни» [3, с. 124]. Яснее эту связь продумывает М. Хайдеггер, для которого жизнь есть бытие-к-смерти. «Смерть в широчайшем смысле есть феномен жизни» [4, с. 246]; живёт только то, что может умереть. С этим солидарен Е. Финк, который добавляет: «Очевидно, человек смертен, пока он жив, мёртвый уже не смертен, не рождённый ещё не смертен. И «смертное бытие», бесспорно, положено только живущему. “Быть-в-живых” является предпосылкой смертного бытия. Это кажется простым до тривиальности» [5, с. 113–114].

Но отложим в сторону философский вопрос о том, может ли та или иная форма *посмертного бытия* номинироваться на статус *личного бессмертия* (а именно оно является предметом метафизического чаяния), и подойдём к проблеме с того входа, который открывают для нас наука и техника. С точки зрения апологетов «кибернетического бессмертия», речь идет о бесконечном функционировании «головного мозга на небиологических субстратах» [1], а говоря современным языком, искусственного интеллекта. Причем речь идет не о «машинном» ИИ, а об «оцифрованной» копии биологической нейросети. Но означает ли это, что «оцифровка» есть ключ к личному бессмертию? Этот вопрос порождает серию вопросов.

Первый связан с тем, что сама идея материального субстрата предполагает ограниченный ресурс существования. Субстрат подвержен порче, а программа – «взлому». Разумеется, что такую нейросеть можно копировать, а копию защитить, хотя сама идея защиты уже предполагает её уязвимость и конечность.

Второй и более существенный вопрос: обеспечивается ли таким путём *личное* бессмертие, коль скоро сама идея копирования упраздняет личностное бытие, как уникальное и неповторимое. Будут ли оцифрованные и клонированные «двойники» проживать свою собственную жизнь (судьбу)? Допустим, что один из них функционирует, в то время как другой хранится в архиве. Это будет *одна и та же* личность (душа, сознание)? Что вообще такое личность в перспективе её бесконечного копирования? А главное, захочет ли человек одновременного сосуществования множества «самих себя», что подрывает фундаментальный принцип «личного тождества». Такая перспектива открывает врата либо в «Ад того же самого» [6, с. 165–182], либо в шизофренический «Ад различия» – в дурную бесконечность сингулярностей, каждая из которых «проживает» собственную функциональную «жизнь».

Вопрос третий: тезис «всё живое может умереть» предполагает *свободу к смерти*, включая добровольное самоубийство. И даже, если создать нейросеть, способную к самоуничтожению, то при чём тут вообще «бессмертие»?

Наконец, четвертый вопрос: жизнь, не знающая смерти, т. е. конечной формы бытия, не предполагает *развития*. Развитие, как его понимал Гегель, предполагает смерть наличной формы бытия. Но если так, то зачем человеку жизнь, похожая на «заевшую пластинку», жизнь похожая на бесконечную смерть? Поэтому правы те, кто утверждает, что смерть – это не самое худшее зло, если выбирать между ней и бессмертием.

В заключение скажем, что для философски грамотного обсуждения проблемы «кибернетического бессмертия» с самого начала надо исключить термин «бессмертие», заменив его на более корректное слово «посмертие». Это позволит в ракурсе *науки*, а не околонуточных фантазий, всерьёз обсуждать *посмертное бытие и его формы*, не смешивая его ни с жизнью, ни с бытием личности, способной к свободному выбору траекторий жизни и смерти.

Список литературы:

1. Дубровский Д.И. Кибернетическое бессмертие. Фантастика или научная проблема? // Взгляд. 2012. 25 октября.
2. Вайль Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2006. 333 с.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. Л.М. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997. 451 с.
5. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. М.: Канон; РООИ «Реабилитация», 2017. 432 с.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.